

Вот перевод:

Несколько дней подряд Камисато Аято после завершения государственных дел отправлялся развлекаться. Он проводил время в компании Аратаки Итто и его банды: они устраивали бои жуков, играли в карты, ловили насекомых и играли в прятки. Аято с огромным удовольствием предавался всем тем простым радостям, которые были ему раньше неведомы, и подсознательно старался не замечать Тому, который всё это время избегал встреч с ним.

Тома же после того памятного разговора пребывал в глубокой печали. Он хотел было обратиться за помощью к Путешественнику, но, к сожалению, тот оставил сообщение, что занят выполнением поручения на острове Ватацуми и не может приехать. Мысли Тома были спутаны, и, пока он не привел их в порядок, старался как можно реже попадаться на глаза господину главе клана. При этом свои обязанности он исполнял исправно, вот только из-за рассеянности постоянно попадал в неловкие ситуации.

В этот момент Тома как раз собирал из комнаты Камисато Аято грязную одежду, чтобы отнести её в задний двор для стирки.

И снова... опять не хватает вещей.

С того самого вечера, когда господин глава клана танцевал, его личные вещи стали стирать отдельно. Неужели он не хочет обременять меня или вовсе перестал доверять?

— Тома.

Нет, он должен мне доверять. Чтобы обеспечить безопасность господина главы клана и госпожи Камисато, я всегда стирал и хранил их одежду собственноручно — за исключением личных вещей госпожи, — и никогда не доверял это дело другим.

— Тома.

Может, господин глава клана решил, что это стало для меня обузой? Но ведь в те времена они с госпожой Камисато, взвалив на себя тяжкое бремя управления кланом, были загружены делами с утра до ночи. Чтобы у брата и сестры было достаточно времени и чтобы их не смогли застать врасплох, я добровольно взял на себя все домашние хлопоты: стирку, готовку. Десять лет прошло, я привык и никогда не считал это чем-то неправильным. (После того как дела клана наладились, одежду Камисато Аяки стала приводить в порядок её личная служанка, так что теперь Тома отвечал только за гардероб главы клана).

— Тома.

Так что же вы на самом деле думаете, господин?

— Тома!

— А! Я здесь! Госпожа Камисато, осторожнее!

Когда его имя прозвучало громко и отчетливо, Тома наконец пришел в себя и заметил перед собой фигуру. Присмотревшись, он с изумлением понял, что это госпожа Камисато! От неожиданности руки Тома дрогнули, и одежда рассыпалась по полу. Он принялся суетливо собирать вещи и неловко поздоровался:

— Госпожа Камисато, добрый день. Вы что-то хотели?

Камисато Аяка раскрыла веер и тихонько усмехнулась:

— Тома, почему ты в последнее время постоянно витаешь в облаках? Я звала тебя уже несколько раз. Ой? Тома, ты сегодня надел верхнюю одежду задом наперед, неужели сам не заметил?

— А? Ох! Прошу прощения, прошу прощения! Действительно, навалились кое-какие дела, но я скоро всё исправлю. Простите, что заставил вас волноваться.

Хотя сегодня все и правда смотрели на меня как-то странно, но почему же никто не сказал?

Камисато Аяка с недоверием посмотрела на него:

— Неужели даже мне нельзя об этом рассказать?

Тома растерянно ответил:

— Простите, я пока не знаю, как об этом сказать.

— Это связано с моим братом?

— А? Госпожа Камисато! Нет, что вы, на самом деле это я сам...

Камисато Аяка понимающе улыбнулась:

— Похоже, я угадала. Это одежда брата, да? Ты всё еще отвечаешь за неё? Я думала... Впрочем, неважно. Давай я попрошу кого-нибудь унести вещи, а мы поговорим. Возможно, я смогу тебе помочь. В конце концов, я самый близкий человек для брата, и, возможно, мне удастся понять его мысли.

— Но...

— Не беспокойся. Клан Камисато уже не тот, что прежде, и сейчас никто не посмеет нам навредить. — Разве что те, кто хочет, но не может.

— Верно. Что ж, хорошо.

Сейчас Комиссия Ясиро — это уже не прежний клан Камисато, все движутся вперед. Неужели только я один топчусь на месте? Самый близкий человек... Да, возможно, госпожа Камисато действительно поможет мне разгадать загадку, что терзает мою душу.

Тома передал одежду слуге и последовал за Камисато Аякой в главный зал, туда, где раньше играл в шахматы с господином главой клана. Они сели друг напротив друга.

Камисато Аяка сложила веер и с серьезным видом спросила:

— Тома, что ты думаешь о моем брате?

Тома замер. Что он думает? Господин глава клана — ребенок, на глазах у которого он вырос. Раньше он воспринимал его и госпожу Камисато как младших брата и сестру. Но что он думает о нем сейчас?

— Господин глава клана — выдающийся человек. Он обладает не только незаурядным умом и лидерскими качествами, но и добрым, нежным сердцем. Конечно, мое уважение и восхищение им вызваны не только его интеллектом и элегантностью, но и его личным обаянием. Будь то дела клана Камисато или управление городом Инадзума, он всегда проявляет себя как человек ответственный и решительный. Он всегда готов оказать поддержку близким, вдохновить их, раскрыть их потенциал и творческие способности. В общем, я всегда верил, что Камисато Аято станет превосходным лидером, который приведет клан к процветанию и стабильности. Я буду делать всё возможное, чтобы помогать господину. Мы доверяем друг другу и полагаемся друг на друга, мы... хорошие друзья?

Хорошие друзья? Неужели только это? Я и сам не понимаю. Должно быть что-то большее, но что? Очень близкие друзья?

Такое описание вполне соответствует тому, как большинство людей воспринимает брата, но я не ожидала, что Тома ответит так же. Значит, это не брат отверг Тому, а Тома сам отгородился от брата.

Аяка раскрыла веер, и из-за него послышался её озадаченный голос:

— А если бы у брата появилась жена, ты бы тоже так думал?

Если господин глава клана женится, что будет со мной?

Тома опешил. Господин глава клана сейчас занимает высокое положение, да и внешнеостью наделен безупречной. Конечно, найдется знатная дама, подходящая ему по статусу, у него будет невеста, жена. И тогда он больше не будет ластиться ко мне, выпрашивая чай с молоком, не станет подшучивать, и постепенно... перестанет во мне нуждаться.

Мы будем отдаляться друг от друга, станем чужими, знакомыми незнакомцами?

При мысли о том, что господин глава клана будет смотреть сквозь него, у Тома сжалось сердце. А представив, как Аято проводит всю жизнь с кем-то другим, он почувствовал острую, режущую боль в груди. Это грусть? Нежелание отпускать?

— Это ревность и печаль.

— Тома? Ты... плачешь?

— М? Госпожа Камисато, что вы... сказали?!

Влага заблестела на руках, по щекам текли слезы — одна за другой, капая в безмолвное Море пепла, на бутоны странника, в бездну, имя которой — расставание...

Я... плачу?

...Потому что господин глава клана уйдет и станет мне чужим?

Уйдет? Станет чужим? Нет, я не хочу уходить... Я не хочу покидать господина, и не хочу, чтобы он покидал меня. Я не хочу становиться для него чужим человеком...

Я хочу навсегда остаться рядом с господином главой клана.

Камисато Аяка не понимала: если Тома явно равнодушен к брату, почему он тогда отверг его? Неужели...

— Тома, тот танец в тот вечер... Брат репетировал его для тебя десять лет. Вы говорили о чем-то после этого?

Танец? Для меня? Он десять лет учил этот танец ради меня?

— Нет, мы просто пожелали друг другу спокойной ночи и разошлись. Госпожа Камисато, откуда вы знаете? И... у этого танца есть какой-то особый смысл? Скорее, скажите мне!

Тома не знал, что делать, он хотел немедленно получить ответ на вопрос, который вот-вот должен был раскрыться.

— Когда мы были маленькими и родители были живы, они часто рассказывали нам историю своей любви. Этот танец — то, как отец признавался в любви матери, их танец на всю жизнь. Мы с братом очень завидовали им и дали слово: если встретим того, кого полюбим, обязательно станцуем для этого человека, а потом, подобно родителям, будем вместе всю жизнь. Поэтому этот танец — ритуал признания в чувствах, это...

Тома выпалил прежде, чем успел подумать:

— Это значит, что господин глава клана хотел прожить со мной всю жизнь!

— Да.

Камисато Аяка закончила рассказ. Она не ожидала, что брат промолчит и решит дать Томе свободу. Неужели он всё это время...

— Тогда почему господин глава клана не сказал мне об этом?

Тома в смятении вспомнил тот вечер, тот образ, навсегда врезавшийся в сердце, тот полный нежности взгляд при свете луны. Ведь всё было так близко, почему, почему он не сказал?

— Я беседовала с братом об этом давным-давно. Тогда он относился к тебе как к своей собственности, его одержимость была такова, что он ни за что не отпустил бы тебя. Но потом он несколько раз видел, как ты тайком плакал в лесу, вспоминая отца и Мондштадт, а на следующее утро, несмотря на покрасневшие глаза, продолжал заботиться о нас. С тех пор брат начал подавлять свои чувства, сдерживать себя и менять свое отношение. Он говорил, что в Инадзуме, где переплетаются громы и молнии, семенам трудно прорасти, а почва Комиссии Ясино слишком скудна и обделена солнцем. Он считал, что ты заслуживаешь лучшего, что ты свободен и что Мондштадт — твой истинный дом. С тех пор брат, не жалея сил, укреплял влияние клана Камисато, создавал свою сеть в сложных политических кругах Инадзумы, защищал нас и хотел отправить тебя домой. С того времени он ни разу не говорил со мной о чувствах. До того самого вечера. Луна была прекрасна, музыка — тоже, и чувства брата, которые он не смог сдержать, привлекли и меня. Я думала, он признался тебе, а ты отказал. Оказалось, он всё же сдержался... Похоже, это я проявила излишнюю инициативу.

Камисато Аяка выглядела расстроенной, но ничуть не жалела о содеянном.

Вот оно что.

Вот оно что.

Оказывается, всё было именно так.

Всё это время именно я игнорировал господина, именно меня он ценил, и именно я был глубоко любим.

— Госпожа Камисато, вы ни в чем не виноваты. Но каждый человек свободен, и господин не может принимать решения за меня. Уйти или остаться, ответить согласием или нет — я должен решать сам! Госпожа, спасибо вам. Думаю, мне нужно сделать кое-что очень важное.

— Иди. Брат сейчас как раз должен вернуться в кабинет.

— Благодарю вас, госпожа Камисато.

— Не за что, Тома. В любом случае, ты всегда был и будешь нашей семьей.

— Да, я знаю. Госпожа Камисато, прошу меня извинить.

Глядя на Тому, который, обретя ясность, поспешно удалялся, Камисато Аяка мысленно пожелала ему удачи. Кто бы мог подумать, что брат и я признаемся в своих чувствах в один и тот же день. Тома всё понял, а когда же поймет тот, кого люблю я?

<http://bllate.org/book/21788/2253644>